

РОССИЯ И ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В Астане 29 мая 2014 года президентами Белоруссии, Казахстана и России был подписан Договор о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Выступая на церемонии, президент России В.В. Путин отметил, что «Сегодня мы вместе создаем мощный и притягательный центр экономического развития, крупный региональный рынок, который объединяет более 170 миллионов человек»¹. Создание ЕАЭС завершило почти пятилетний цикл формирования многоуровневой структуры нового интеграционного проекта на постсоветском пространстве.

Первый этап — Таможенный союз (ТС), был создан в 2010 году. В 2012 году заработало Единое экономическое пространство (ЕЭП), а с 1 января 2015 года страны-партнеры проекта должны начать свое совместное существование в формате ЕАЭС.

Однако в ходе подготовки к созданию ЕАЭС выявились серьезные разногласия среди участников интеграции:

- Белоруссия и Казахстан потребовали ограничить экономическую экспансию России на свои рынки в рамках ЕЭП, что вызвало острую дискуссию на октябрьском и декабрьском 2013 года Евразийских экономических советах;
- Казахстан выступил против развертывания на базе ЕАЭС валютного союза. (Как оказалось, Минск и Астана пока не готовы и к расширению политической интеграции на основе евразийского проекта);
- Белорусское руководство в ходе подготовки договора о ЕАЭС потребовало создания единого рынка без «изъятий» российской и казахстанской нефти. Фактически Минск требовал особых

¹ Начало заседания Высшего Евразийского экономического совета в узком составе // URL: <<http://www.kremlin.ru/transcripts/45788>>

привилегированных условий допуска к российским энергетическим ресурсам и право на свободный бесположенный вывоз нефтепродуктов с территории Таможенного союза, что должно принести Белоруссии более 30 млрд. долл. за ближайшие 10 лет. Кроме того, белорусская сторона добилась от Москвы выделения срочного кредита в 2 млрд. долл. для стабилизации ускоряющегося сокращения золотовалютных ресурсов республики, грозившего девальвацией белорусского рубля.

Тем не менее, Россия добилась определенных отсрочек в выполнении наиболее болезненных для ее экономики интеграционных решений. В частности, в преддверии саммита в Астане (26 марта 2014 года) вице-премьер российского правительства И. Шувалов отметил: «В настоящий момент сохраняются несколько нерешенных вопросов, а именно — торговля особо чувствительными товарами. Это нефть, нефтепродукты, газ, лекарственные средства, медицинские изделия, алкоголь и табачные изделия. По этим вопросам стороны имеют позицию, что нужно зарезервировать на несколько лет право не обеспечивать полную свободу. Сейчас стороны настолько далеки от понимания общего знаменателя, как договориться по этим группам товаров, что нам, может быть, придется эти вопросы вынести за скобки маятекущего года»². И. Шувалов также подчеркнул, что по данным группам товаров необходимо принять единые правила: «Нужно договориться, что акцизы будут по ним одинаковыми, за четыре-шесть лет выровнять эти акцизы. Уже есть договоренности на уровне министерств-финансов»³.

На примере белорусского давления Москва как инициатор и главный спонсор евразийской интеграции получила возможность в очередной раз убедиться в том, что интеграционные процессы в регионе определенное время будут оплачиваться исключительно Россией. Кроме того, партнеры по созданию ЕАЭС использовали для давления на Кремль украинский кризис, требуя от России увеличения догажданной поддержки (Белоруссия). Следует также отметить, что непосредственным незримым участником переговоров и подписания

² РФ, Белоруссия и Казахстан могут продолжить обсуждение гармонизации акцизов // URL: <<http://itar-tass.com/ekonomika/1075210>>

³ Беларусь, Казахстан и Россия подпишут то, не знают что // URL: <<http://charter97.org/ru/news/2014/3/26/92010/>>

Договора об ЕАЭС, после майского визита в Пекин В.В. Путина, стал Китай.

Однако до настоящего времени российское руководство, считая евразийскую интеграцию одним из важнейших своих приоритетов, большей частью шло навстречу требованиям своих партнеров, полагая, что цель оправдывает средства. Москва сознательно стимулирует и ускоряет процесс формирования экономического союза.

Причины ускорения формирования ЕАЭС

Создаваемая на постсоветском пространстве новая интеграционная группировка имеет свою специфическую «дорожную карту», опирающуюся на политическое расписание, а не на вызревание экономических и политических стимулов в государствах-партнерах. Фактически евразийский интеграционный проект развивается под давлением политической воли президентов. Каждые два года проект, подчиняясь стремлениям В.В. Путина, А. Лукашенко и Н. Назарбаева, поднимается на новую ступень, что является беспрецедентным темпом в истории.

Столь высокая скорость связана с широким спектром экономических и политических рисков, с которыми сталкиваются Белоруссия, Казахстан и Россия. В этом плане евразийский интеграционный проект можно считать не только стратегий по созданию единого интеграционного пространства в центре континента, но и реакцией на разного рода политико-экономические угрозы и вызовы, с которыми сталкиваются как страны, объединившиеся в ЕАЭС, так и другие государства постсоветского пространства.

В последние 10–15 лет этот регион все в большей степени становится открытым для притязаний и политических игр внешних игроков. Евросоюз активно развивает в Восточной Европе собственную интеграционную программу «Восточное партнерство», вступившую в резкие противоречия с евразийской интеграцией. На рынках СНГ усиливается конкуренция между внутренними и внешними производителями, темпы развития экономик стран региона все в большей степени различаются друг от друга.

В 2013–2014 годах очевидным стал кризис постсоветской государственности, совмещенный с распадом национальных экономических

моделей, созданных в 1990-е годы. Наиболее ярким примером такого развития событий стала Украина, отказавшаяся в 2013 году вступить в евразийскую интеграцию.

Как предполагали его учредители, основанный на мощи российской экономики евразийский интеграционный проект призван эффективно ответить на многочисленные внутренние и внешние угрозы, с которыми сталкивается постсоветское пространство. Кроме того, насущная потребность в стимулировании экономик стран-партнеров заставляет их власти всеми мерами ускорять развитие евразийского интеграционного проекта.

Российская заинтересованность в Евразийском экономическом союзе

Непосредственно для России потребность в появлении вокруг нее собственной интеграционной группировки носит как экономический, так и геополитический характер. В рамках евразийской интеграции Россия хотела бы решить ряд экономических проблем, препятствующих модернизации отечественной экономики, а именно:

- создание единого, лишенного каких-либо барьеров, рынка объемом в 200–250 млн. потребителей (с привлечением к проекту стран Центральной Азии);
- формирование на базе ЕАЭС валютного союза с едиными правилами и единой валютой (российский рубль);
- обеспечение доступа российских корпораций к трудовым, производственным (Белоруссия) и природным (Казахстан) ресурсам региона;
- повышение востребованности транзитного статуса России (от портов Тихого океана до белорусского Бреста).

Привлечение к евразийской интеграции прежде всего Белоруссии и Казахстана объясняется наибольшей политической, экономической и ментальной близостью этих стран к России. Как отмечал российский исследователь Д. Тренин: «Белоруссия и Казахстан — естественные экономические партнеры России... Две соседние страны являются привлекательными рынками для вложения российских капиталов; сама Россия — емкий рынок для товаров, производимых соседями, а также для их избыточной рабочей силы. Сходство политических и правовых систем, общность политической и деловой

культуры, единство языка делового общения и многочисленные личные связи делают эти страны полем активного экономического взаимодействия»⁴.

Кроме того, востребованность в России евразийской интеграции определяется дополнительными факторами, носящими политический характер:

- при формировании проекта учитывалась прежде всего высокая зависимость интеграционных процессов от перспектив развития экономики России. Уровень глобальной конкурентоспособности ее экономики самым тесным образом связан с перспективами развития, углубления и расширения интеграционных процессов на постсоветском пространстве. При сохранении сейчас формате экономического развития России (в 2013–2014 годах она находится на грани экономической стагнации) в регионе неизбежно будут расти центробежные процессы, страны СНГ и их экономики будут продолжать постепенную переориентацию на внешних партнеров (ЕС, Китай, Иран, Турция и т.д.) и внешние интеграционные предложения (интеграционные и иные проекты и программы ЕС);
- в свою очередь, считается, что структурная и технологическая модернизация экономики России привяжет экономики основных стран постсоветского пространства к российскому модернизационному тренду, создаст крайне необходимый динамичный и привлекательный интеграционный имидж России. В этом случае отпадет необходимость в стимулировании участия партнеров по интеграции экономическими, таможенными, рыночными услугами, энергетическими и сырьевыми субсидиями и дотациями, банковскими кредитами;
- основные внешние игроки — ЕС, США, а также региональные державы — Польша, Румыния, Турция, Иран, как правило, игнорируют или косвенно противодействуют интеграционным инициативам России в регионе СНГ. Создание вокруг Москвы крепкого интеграционного блока не входит в планы прежде всего Евросоюза и Китая, заинтересованных в открытом доступе к ресурсам и рынкам региона. В данном случае Россия, разворачивая проект

⁴ Тренин Д., «Интеграция и идентичность: Россия как «новый запад», М.: Европа, 2006. с. 306.

ТС-ЕЭП выступает в роли очевидного конкурента, способного под прикрытием интеграционной группировки в оперативном порядке осуществить бизнес-экспансию.

В геополитическом плане собственный и жизнеспособный интеграционный проект должен помочь России сохранить статус сверхдержавы.

Факторы, препятствующие евразийской интеграции

К 2014 году общий интеграционный тренд на постсоветском пространстве оставался негативным. Антиинтеграционные процессы в регионе Украина возглавила, вступающая в 2013 году в рамках программы «Восточное партнерство» году в процесс подготовки договора об ассоциации с Евросоюзом.

Украинский кризис, а также возвращение Крыма в состав России нанесли огромный ущерб интеграционным процессам на постсоветском пространстве, что сказалось на подготовке к подписанию Договора о создании ЕАЭС.

Помимо политических причин, осложняющих реализацию проекта, к ним необходимо отнести целый ряд объективных факторов, торозящих или препятствующих быстрому полноценному развертыванию евразийской интеграции.

Первым и основным объективным препятствием на этом пути оказывается экономическая неоднородность ЕАЭС, связанная с экономическим доминированием России (больше 90 % суммарного ВВП и более 80 % суммарного товароборота блока приходится на Россию), сложность включения в союз транзитной экономики Белоруссии, активно не готовой к полномасштабной экономической интеграции в рамках евразийского экономического проекта, специфика экономики Казахстана, имеющей развитый энергетический сектор и сформировавшийся за последние десятилетия транзитный товарный «коридор» для поставок продукции из Китая. В частности, В. Иноземцев отмечал еще в 2011 году, что «Одно дело — соединить потенциал относительно равных Франции, Западной Германии и Италии в ходе формирования ЕС, а другое дело случить Россию с Белоруссией, Казахстаном и несостоятельными государствами Центральной Азии»³.

³ Иноземцев В. Л., Холостой выстрел // Профиль, 2011, № 37, с. 26.

Основным риском для участия непосредственно России в интеграционном проекте ТС — ЕЭП остается вопрос о цене интеграции. Экономическое влияние России в новой интеграционной группировке вместе с опорой на политическую волю руководства России создает идеальную среду для получения партнерами по интеграции экономических уступок с ее стороны.

Строительство ТС — ЕЭП на основе субсидий и дотаций должно заменить отсутствие у России собственного притягательного имиджевого проекта и нивелировать влияние центральных сил в регионе, но на самом деле стимулирует ориентацию правящих элит и политических классов Казахстана и Белоруссии на Евросоюз. Элитные группы Белоруссии и Казахстана считают свое нахождение в ТС и в формирующемся ЕЭП временным, рассматривают его в качестве своеобразной останки, необходимой для укрепления экономики перед этапом включения в европейские интеграционные процессы.

Единовременной реальной возможностью формирования интеграционной группировки под руководством России остается использование российских ресурсов, включая финансовые и сырьевые, и ее рынка для привлечения партнеров в новые проекты. На каждом этапе интеграционного строительства дотационная основа российских интеграционных инициатив увеличивается в несколько раз.

Основой для уже проявившегося недовольства в отношении евразийской интеграции в Казахстане и Белоруссии остается несогласованность позиций партнеров по ТС в отношении ВТО. Вступление России в ВТО резко осложнило ситуацию на рынках Казахстана и Белоруссии: усилилась торговая экспансия российских товаров, выросли цены. Это привело к тому, что оппозиция в Белоруссии и Казахстане обвинила Россию в стимулировании экономической нестабильности в их странах в рамках ТС — ЕЭП.

Недовольство евразийской интеграцией в Белоруссии и Казахстане связано не только с проблемами торговой политики, активно используемыми оппонентами власти, но и с восприятием интеграционного проекта широкими слоями населения. Изначально сложившиеся диспропорции между договорно-правовой базой интеграционного объединения, политической ролью, которую уже начал играть ТС в жизни региона и на мировой арене и реальным уровнем социально-экономического развития стран-партнеров, приводят к эрозии

поддержки проекта со стороны проэлитных групп, политических классов и населения.

Дело в том, что создание интеграционного блока породило большой объем социально-экономических ожиданий среди населения государств — участников проекта. Для разочарования имеются и экономические причины: внутренний товарооборот ТС продолжает относительно сокращаться на фоне роста доли товарооборота с ЕС и КНР. Абсолютно уменьшается объем взаимных поставок в рамках внутриотраслевой производственной кооперации. Отсталая структура взаимной торговли стран ЕАЭС (товарооборот в основном связан с поставками сырья и металлов) может со временем привести к загрузке политической и общественной поддержки интеграции в рамках ТС и ЕЭП.

Недовольство евразийской интеграцией в Казахстане вызывает особое беспокойство, так как оно захватывает и власти. В частности, в начале 2014 года вице-министр экономики и бюджетного планирования Казахстана Тимур Жаксылыков заявил, что республика от интеграционных процессов ожидала увеличения сбыта своих товаров, «бешеного» роста занятости и загрузки промышленных мощностей, но этого пока не случилось⁶. В свою очередь, министр финансов Казахстана Болат Жамишев констатировал: «экспорт казахстанской продукции в Россию и Белоруссию существенно сократился, торговое saldo республики после создания Таможенного союза обернулось не в пользу Казахстана»⁷. Можно сказать, что слабые экономики Казахстана и Белоруссии не выдержали конкуренции с российской уже в начале реальной экономической интеграции.

С 2010 года интеграция в формате ТС создала идеальные условия для развития разного рода схем контрабанды на рынки блока товаров третьих стран, прежде всего китайских. В этих условиях она может постепенно выродиться в краткосрочный политический проект, призванный решить исключительно конъюнктурные задачи — вступление в ВТО, создание группировки в целях укрепления позиции России в диалоге с ЕС, поднятие рейтинга властей и т. д.

⁶ Елец не наелнес? // URL: < <http://www.rosbalt.ru/exussr/2013/09/27/1180641.html/>>

⁷ Там же.

Серьезным препятствием для дальнейшего развития проекта евразийской интеграции является политическая и экономическая нестабильность в Белоруссии, связанная с незрелостью политического класса, жестким авторитарным политическим режимом, нерезформированностью белорусского хозяйства и иждивенческим характером белорусской экономической модели. Экономическое выживание республики во многом зависит от функционирования российской финансово-ресурсной субдиарной системы. В случае сокращения Россией экономической поддержки, в Белоруссии неизбежная рецессия может стимулировать кризисные явления в рамках евразийской интеграции. В данном случае Россия оказывается в роли заложника: ограничивая Белоруссию в дотировании ее экономики (что по идее должно стимулировать Минск к структурным экономическим реформам), Москва рискует ввергнуть в кризис всю интеграционную группировку.

Вхождение в состав ЕАЭС Киргизии, имеющей на своей территории крупнейший в регионе транзитный хаб дешевых товаров из Китая, в итоге может оказывать серьезное влияние на интеграционный процесс. Однако до сегодняшнего дня все лидеры стран-партнеров, включая Россию, выражали поддержку стремлению руководства Киргизии вступить в ТС в ближайшее время.

Создаваемый ЕАЭС, отличается определенной административной жесткостью, но в то же время и невысокой эффективностью управления. Учитывая ограниченные ресурсы большинства стран, вступающих в проект, огромную роль политической составляющей в формировании ТС — ЕЭП, относительно невысокий уровень взаимной торговли, внешнюю направленность инвестиционного импорта, различную степень зрелости политических классов и несогласованность реальных целей партнеров по интеграции, строгое следование канонам европейской интеграции, включая создание валютного союза, чревато накоплением нерешенных проблем, зарождением конфликтов, способных вылиться в серьезный кризис интеграционной группировки.

В то же время, создание иных версий интеграций, альтернативных российским инициативам, представляет для ЕС и КНР определенную сложность, так как для разветвления жизнеспособного интеграционного проекта в регионе СНГ необходим второй центр силы. Долгое время на эту роль претендовал Киев, но события зимы 2013–2014 гг.

окончательно закрыли для него перспективу возглавить собственную интеграционную группировку на постсоветском пространстве. Украина неуклонно уходит в сферу влияния ЕС и США, ее роль в регионе будет неуклонно падать.

К сожалению, в долгосрочной перспективе, политические классы большей части стран региона видят свое будущее по примеру Украины в ассоциации с Евросоюзом. При этом очевидная связь трагических событий на Юго-Востоке Украины с односторонней ориентацией на ЕС отвергается.

Интеграционное сотрудничество с Россией воспринимается в странах-партнерах в качестве открывающейся возможности закрепления за собой статуса посредника — транзитера по перемещению товаров, услуг и инвестиций между ЕС и РФ. Истэблшмент Белоруссии, как и в свое время Украины, при своей однозначной европейской ориентации, стремился закрепить за собой эксклюзивный доступ на российский рынок и возможность импорта/реэкспорта российских энергоносителей. В частности, амбициозные правящие круги Белоруссии видят Россию в качестве сырьевого придатка и неприязнательного емкого рынка для сбыта своих товаров, в том числе продукции сельского хозяйства.

Белоруссия

Выступая постоянным партнером России в интеграционных инициативах на постсоветском пространстве, Белоруссия остается одним из самых сложных и непредсказуемых участников создаваемых интеграционных группировок. Опыт российско-белорусской интеграции в рамках Союзного Государства Белоруссии и России (при этом, что Россия выступала в данном проекте в роли единственного и фактически неограниченного спонсора), оказался во многом негативным. Специфика авторитарного режима А. Лукашенко, пытающегося балансировать на противоречиях между Западом и Востоком, нерешенная постсоветская экономика, отсутствие элитных групп и незрелость политического класса, затрудняют полноценное вовлечение Белоруссии в ЕАЭС.

Белорусское руководство, в силу, как отмечалось, авторитарного характера режима, не готово принимать решения ЕАЭС в полном

объеме. Президент А. Лукашенко действует в интеграционном проекте в зависимости от возникающей экономической ситуации в республике. Весной 2011 года, несмотря на членство Белоруссии в ТС — ЕЭП, были введены ограничения на экспорт и конвертацию валюты, что вызвало протесты партнеров по интеграционному проекту. В республике также активно стимулируется программа импортозамещения, что приводит к различного рода мерам по ограждению белорусского рынка от товаров из остальной части ТС. В частности, в мае 2014 года белорусский рынок пива оказался закрытым для импортной продукции. Обсуждая в июне 2013 года наличие белорусских товаров в магазинах, губернатор Минской области Б. Батура отметил увеличение доли импортных товаров: «Мы поправим эту ситуацию. Торговые сети в Минской области управляемы. Другое дело, что в торговых сетях... появляются импортные продовольственные товары, аналоги которых производятся у нас, и с лучшим качеством... Появляется импортная мясо-молочная продукция. Присутствие таких импортных товаров вызывает возмущение»⁸. Реальная конкуренция в данном случае подменяется административными мерами протекционистского характера. Аналогичные шаги предпринимаются и в Казахстане.

Интересы Белоруссии в евразийской интеграции связаны со стремлением ее руководства сохранить функционирование национальной социально-экономической модели — основы существования авторитарного режима А. Лукашенко. Суть данной модели составляют четыре условия:

- доступ к российским энергоносителям по субсидированным ценам;
- доступ к российскому рынку;
- ограниченный доступ к белорусскому рынку;
- сохранение монопольного положения государственного сектора в белорусской экономике (ограничения для участия российского капитала в приватизации белорусских производственных фондов, представляющих интерес для инвесторов).

Белоруссия попытается сохранить свое привилегированное положение, что рано или поздно вызовет протесты со стороны Казахстана.

⁸ Батура Б., Импортное мясо и молоко вызывают возмущение. // URL: <<http://charter97.org/ru/news/2013/6/12/70653/>>

Потеря многочисленных субсидий и дотаций со стороны России чревата тяжелым экономическим кризисом, деиндустриализацией, перематрированием существующей белорусской модели в модель миграционной экономики.

В то же время необходимо учесть, что участие в интеграционных проектах вместе с Россией остается для Белоруссии и Казахстана единственной возможностью войти в мировое интеграционное пространство и выйти из международной изоляции (Белоруссия).

Украинский фактор

Украина сохраняет огромный интеграционный потенциал в регионе СНГ, вытекающий из ее географического положения, транзитного статуса, природных ресурсов, наличия развитой промышленности и сельского хозяйства, тесно связанных с экономикой России, Белоруссии, и стран Центральной Азии.

Однако, необходимо отметить, что Украина, войдя в зону политического влияния Евросоюза, представляет серьезную проблему для развития интеграции в регионе. Вопрос участия Украины в евразийском интеграционном проекте после 22 февраля 2014 года (победа майдана и свержение режима В. Януковича) формально снят, но дискуссия о роли Украины в интеграционных процессах на постсоветском пространстве сохраняется. Даже войдя в ассоциацию с Евросоюзом, Киев продолжает оказывать неравнозначное влияние на политическую и экономическую жизнь региона.

Украина продолжает позиционировать себя вне основных интеграционных проектов на постсоветском пространстве, стараясь сохранить свободу политико-экономического маневра между Россией и ЕС. Киев готовится к созданию Зоны свободной торговли с ЕС, но при этом хотел бы получить эксклюзивные права на рынке ЕАЭС. Украинский политический класс, с одной стороны, остается приверженцем исключительно европейского вектора интеграции, а с другой — противником любых вариантов полноценного участия Украины в каких-либо интеграционных проектах с доминированием России. Официальный Киев готов идти на существенное ущемление национального суверенитета в проектах с Брюсселем (Зона свободной торговли с ЕС), но исключает ограничение своего суверенитета

в национальных органах в рамках ЕАЭС. Таким образом, объективно она выступает в роли инструмента Евросоюза, не заинтересованного в появлении на постсоветском пространстве жизнеспособных интеграционных проектов, которые смогут сузить возможность для экономической экспансии ЕС в регионе.

Запад ценит антиинтеграционную роль Украины. В частности, по мнению Инго Маннгоффеля — руководителя отдела Европы и главного редактора русской редакции Deutsche Welle: «Без Украины Евразийский экономический союз на постсоветском пространстве — мертворожденная экономическая идея. Это было в последние месяцы и осталось одной из причин агрессивной политики Москвы по отношению к Украине»⁹.

Перспективы евразийской интеграции для России

Российское руководство остается активным приверженцем развития евразийского экономического проекта. ЕАЭС — один из приоритетов внешней политики президента В.В. Путина. Средства массовой информации РФ активно пропагандируют реальные успехи интеграции, которые уже есть (снятие таможенных границ между участниками проекта, расширение товарного экспорта из России на рынки стран-партнеров, выравнивание условий для ведения бизнеса, конкуренция за инвестиции, и т.д.). Но в то же время даются противоречивые оценки как существующим процессам в рамках ЕАЭС, так и перспективам. В частности, считается, что в рамках ЕАЭС должна снизиться конкуренция отдельных отраслей белорусской и казахстанской экономик с российской. Но в то же время утверждается, что внутриблоковая конкуренция полезна для экономики России.

Еще в рамках ЕЭП у стран-участниц появилась возможность для координации усилий на мировых рынках, прежде всего на рынках энергоносителей. Однако России и Казахстану так и не удалось приблизиться к энергетической интеграции, составной частью которой должна была бы стать совместная или скоординированная деятельность.

⁹ Комментарий: Опасная евразийская идея Путина. // URL: <<http://www.dw.de/комментарий-опасная-евразийская-идея-путина/a-17668878>>

В целом считается, что евразийский экономический проект должен повысить инвестиционную привлекательность экономик стран-участниц. Но, например, экономика Белоруссии продолжает испытывать серьезный инвестиционный «голод», сказывающийся на ее экономическом развитии и модернизации основных отраслей.

Переход к валютному союзу остается проблематичным. Помимо того, что финансовые показатели экономик стран — участниц ЕАЭС (уровень инфляции, валютные курсы, объем дефицита бюджета) продолжают серьезно различаться, руководители Казахстана и Белоруссии опасаются политических последствий выхода на единый эмиссионный центр. В этом плане вновь возникает вопрос о компенсациях. В российском экспертном сообществе имеются мнения о том, что «учитывая, что Россия как лидер в случае реализации сценария валютной интеграции должна будет определять направление единой денежно-кредитной и валютной политики, она могла бы частично компенсировать (в той или иной форме) возможные потери от различного влияния внешних шоков на национальные экономики других стран постсоветского пространства, особенно с низким уровнем дохода на душу населения»¹⁰. Необходимо учитывать, что валютная интеграция в евразийском интеграционном проекте может оказывать для России наиболее затратной.

Определенные итоги

Страны — участницы евразийского интеграционного проекта пришли к созданию Евразийского экономического союза с неравнозначными итогами.

Безусловно, влияние ТС — ЕЭА — ЕАЭС растет. Включение Украины в евразийскую интеграцию в качестве наблюдателя (2013)¹¹ продемонстрировало, что даже откровенные противники проекта вынуждены учитывать его экономическое влияние и перспективы. В Ханое 27–29 марта 2013 года представители России, Белоруссии, Казах-

¹⁰ Гринберг Р.С., Перспективы валютной интеграции на постсоветском пространстве / «Формирование интеграционных объединений стран СНГ: финансовый, валютный, банковский аспекты». М.: Финансы и статистика, 2006. с. 179.

¹¹ Украина добилась статуса наблюдателя в Таможенном союзе. // URL: <http://www.polit.ru/news/2013/04/23/ukraine_ts/>

стана, Евразийской экономической комиссии и Вьетнама обсудили соглашение о Зоне свободной торговли с Вьетнамом. Есть и другие признаки развития проекта¹², в частности, вырос товарооборот между странами-участницами ЕАЭС.

Несмотря на наличие позитивных результатов как в сфере экономики, так и во внешнеполитическом статусе интеграционного объединения, жесткое политическое расписание приводит к тому, что этапы сближения стран остаются недоработанными, часть соглашений невыполненными или отложенными. Это относится как к ЕЭП, так и к ТС. Например, так называемые «четыре свободы» перемещены из товаров, услуг, капитала и рабочей силы оказались перенесены из стадии ЕЭП на этап Евразийского экономического союза.

Попутно на рынках ЕАЭС усилились позиции внешних игроков, в частности, Китая. Казахстан и Белоруссия используются для беспрепятственного транзита китайских товаров на российский рынок. Но скоро китайские товары будут производиться и на территории ЕАЭС, например, в Китайско-белорусском индустриальном парке (Минская область). В то же время в российском экспертном сообществе есть мнения о допустимости конкуренции с китайскими товарами на внутреннем рынке ЕАЭС: «Одна из самых сложных проблем, стоящих перед Таможенным союзом — решение вопросов, касающихся торговли его центральноазиатских членов (в данном случае имеется в виду Казахстан и намеревающаяся вступить в ТС Киргизия) с Китаем. В целом, как и в случае с Европой, восприятие разных связей в постсоветской Азии как «конкурирующих» ошибочно: в оптимальном варианте евразийская интеграция могла бы служить дополнением к постсоветскому экономическому сотрудничеству, учитывая преимущество последнего»¹³.

Российскому руководству приходится вести непрерывный торг с партнерами по евразийскому проекту, в связи с тем, что их не интересует конечный результат — единый рынок, экономический и валютный союз с общими правилами макроэкономической и валютной

¹² Белорусский эксперт: Вступление Киргизии в Таможенный союз — нерешенная постановка вопроса. // URL: <<http://www.regnum.ru/news/polit/1643095.html#ixzz2PDDO5xsPg>>

¹³ Винокуров Е.Ю., Либман А.М., «Евразийская континентальная интеграция», СПб.: Евразийский Банк Развития, 2012, с. 148.

политики. Это означает, не только ограничение национального суверенитета в пользу наднациональных органов, но и признание реального политико-экономического доминирования России в рамках интеграционной группировки.

Российские партнеры по интеграции в большей степени заинтересованы в максимальной продолжительности промежуточных стадий интеграционного проекта, так как каждая стадия требует не только преодоления определенных объективных ограничений, но и позволяет в ходе обсуждения очередных мероприятий неустанно возвращаться к проблеме экономической дифференциации стран-партнеров, настаивая на «выравнивании» уровня экономического развития и жизни населения.

Учитывая, что партнеры России по интеграционным проектам в большей степени ограничиваются тактическими целями, открывающими им возможности для получения дешевых энергоносителей, решения транзитных проблем, предоставления открытого и неограниченного доступа на российский рынок и т. д., они незаинтересованы в достижении стратегических целей, способных привести к ограничению их национального суверенитета в экономике (наднациональные органы, единая валюта и общий эмиссионный центр, единое законодательство). Исходя из этого, конфликты между партнерами по ЕАЭС остаются неизбежными.

Однако, учитывая мощь и удельный вес российской экономики в масштабах ЕАЭС, давление России на существующие в Казахстане и Белоруссии национальные хозяйственные модели объективно резко возрастет. Альтернативы экономической интеграции на просторах постсоветского пространства нет и с ее углублением в рамках ЕАЭС белорусская и казахстанская экономики, безусловно, будут глубоко реформированы, их структура подвергнется коренным изменениям. В противном случае, например, в белорусской экономике начнутся (и они уже фактически начались) процессы деиндустриализации. В то же время, необходимо учитывать, что сложные и тяжелые для населения в социально-экономическом плане реформы привнесут в жизнь республик элементы политической нестабильности.

Важной проблемой для дальнейшего развития евразийской интеграции остается преодоление сырьевого характера экспорта его участников. Страны ЕАЭС поставляют на мировые рынки исключительно

сырье и энергоносители, что объективно превращает интеграционный проект в экспортный синдикат. Как известно, даже Белоруссия экспортирует на европейские рынки в основном нефтепродукты, выработанные из российской нефти. Сохранение в структуре экспорта России и Казахстана монопольной роли энергоносителей не способствует развитию интеграционных процессов между странами интеграционной группировки.

Серьезной проблемой для доминирования России в экономической интеграции в рамках ЕАЭС является отсутствие в российском экспорте широкого спектра товаров инновационного назначения, что заставляет партнеров по ТС, а также и страны СНГ ориентироваться на импорт из стран ЕС, США, Китая, Японии и Республики Корея.

В случае расширения полномочий Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) — наднационального органа ЕАЭС, добавления функций и полномочий, а также увеличения списка вопросов, по которым решения принимаются в формате консенсуса, Россия рискует сократить свое влияние в данном органе. В частности, на заседании Высшего евразийского экономического совета в декабре 2013 года критиковалась деятельность российских представителей в ЕЭК, которые корректировали свою деятельность в комиссии с позицией российской правительств.

Превращение России в безусловного донора своих партнеров по интеграционным процессам постепенно перемещается в фокус внимания российского политического класса. В качестве примера можно привести негативную реакцию российского экспертного сообщества и гражданского общества на выделение Украине 17 декабря 2013 года кредита в 15 млрд. долл., что косвенно сказалось и на оценках традиционной финансовой поддержки Белоруссии — члена евразийской интеграции.

Долгосрочные, стратегические цели интеграционных проектов, инициируемых Россией, до настоящего времени не принесли ощутимых результатов, не остановили процессы дезинтеграции постсоветского пространства (Украина). Кроме того, необходимо учитывать и надвигающуюся смену поколений в правящих кругах основных стран СНГ, в том числе в Казахстане и Белоруссии, стремление их руководства найти в лице ЕС и Китая региональной конкуренции с российским экономическим и политическим доминированием в регионе.